

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2, 343.811

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-1-31-41

АРХЕТИП ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ В ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

Пономарев С. Б.

Аннотация: Исследованный К.Г. Юнгом архетип Великой матери олицетворяет созидательную, животворящую природную силу, дарующую жизнь женское начало. В статье описаны проявления архетипа Великой матери в среде лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы и вовлеченных в тюремную субкультуру. Показана связь архетипа Великой матери с феноменом призонизации, описана энантиодромия архетипа Великой матери, заключающаяся в его трансформации в архетип Смерти в условиях пенитенциарного пространства. Приведены примеры аутодеструктивного поведения заключенных, связанные с архетипом Великой матери, описана его реализация в ритуале тюремной инициации. В заключении сделан вывод о высокой значимости архетипа Великой матери для тюремной субкультуры. Актуальность работы заключается в том, что описанный архетип реализован в различных культурных проявлениях, присущих сообществу заключенных: тюремных запретах, татуировках, обычаях, ритуалах. Показано, что изменения психики, свойственные заключенным, ведут к пробуждению в подсознании скрытых хтонических сил, реализующихся по единым законам культурной гомоплазии, одинаковым как для примитивных племен, так и для современных сообществ адептов тюремной субкультуры.

Ключевые слова: тюремная субкультура, архетип «Великая мать», архетип «Смерть», энантиодромия, призонизация, пенитенциарная система.

Введение. Несколько слов об архетипе «Великая мать»

Архетип «Великая мать» входит в базовую гептаду архетипов, предложенных и описанных К.Г. Юнгом (наряду с такими архетипами, как Тень, Анима, Анимус, Мудрый старец, Младенец и Самость) [1]. Нет нужды говорить, что дородовые впечатления любого человека и первые мгновенья его жизни связаны с образом матери и оказывают неизгладимое влияние на всю его последующую жизнь. Как предполагается, механизм материнского импринтинга во многом связан с архетипом Великой матери. Считается, что данное явление (материнский импринтинг) происходит сразу после рождения или максимум в течение короткого, т.н. «сенсительного» (или «критического») периода ранней младенческой жизни. При этом последствия материнского импринтинга необратимо закрепляются в психике индивида до конца его дней.

Известно, что архетип Великой матери олицетворяет созидательную природную силу,

дарующее жизнь женское начало. В структуре любой мифологической системы существует образ высшего женского существа [2], воплощающий животворящие силы природы. Не случайно, первыми творениями человека (возрастом до 38 тысяч лет) считаются т.н. Венеры палеолита – женские скульптуры с выраженными половыми признаками. Во всех религиях и мифологических системах мира с древнейших времен присутствуют богини, воплощающие образ «Великой матери». В Древней Греции это Гея, Деметра, Персефона, в Малой Азии Кибела, в Древнем Египте Нут и Исида, в Риме Рея и Церера, в Японии Аматерасу и Каннон, в Индии Шакти и Парвати, в Китае Нюйва и Гуаньинь. Именно к помощи таинственных «великих матерей» прибегает Мефистофель в «Фаусте» для материализации и оживления идеального женского образа, дочери Зевса – прекрасной Елены. Воплощением архетипа Великой матери в христианстве является образ пречистой Девы Марии – заступницы всех верующих в Христа [2]. Образ матери – это прежде всего символ родины, родной земли, родного очага.

В целом указанный архетип – это стабильная психическая конструкция, некая устойчивая знаковая структура, базовая “схема” человеческой души, на основе которой формируется коллективное бессознательное. В качестве последнего традиционно рассматривается надындивидуальное априорное знание, свойственное социуму вообще, вбирающее представления о базовых архетипах и устойчивых образах как формах реализации отдельных архетипов в человеческом сознании.

Вместе с тем присущие коллективному бессознательному паттерны (формы без собственного содержания), относящиеся к тому или иному архетипу, заполняются в процессе жизнедеятельности большим числом различных символов. При этом указанные символы могут проявляться различными способами в каждом конкретном случае. Подтверждением этому служат многочисленные эмпирические наблюдения, при которых даже у малообразованных участников экспериментов возникали переживания универсальных мифологических символов. Общие для всех людей устойчивые архетипические образы реализуются в разнообразных культурных эманациях, как то: сказания, мифы, легенды, сказки, литературные произведения, верования, обычаи, предметы творчества, – а также в личной психической деятельности каждого человека. На личностном уровне действие архетипа манифестируется появлением эмоционально окрашенных образов, за которыми можно усмотреть тот или иной базовый архетип. Таким образом, архетипы могут оцениваться как сердцевина любой культуры, определяющая магистральные направления её развития [3].

Архетип Великой матери в тюремной (пенитенциарной) субкультуре

Актуальность исследования архетипа Великой матери в тюремной субкультуре обусловлена тем, что она (тюремная субкультура) являет собой агрессивную и высокоорганизованную контркультуру, неуязвимость которой основана во многом на устойчивости мифологем, сюжетов и образов, составляющих ее ядро. Здесь под ядром следует понимать некий «священный текст», концентрацию идеалов, определяющих индивидуальное поведение человека, вовлеченного в эту субкультуру [4]. Во многом именно по указанной причине многолетние усилия государства в деле борьбы с тюремной субкультурой не только оказались безуспешными, но в ряде случаев тюремная субкультура

сама начала активно модифицировать базовую культуру общества [2]. Кроме того, исследователями подмечено, что «знаково-символические системы экстремальных групп имеют структурные и функциональные аналогии в архаических и традиционных обществах» [5, с. 132]. Так, в карцерных сообществах проявляются базовые инстинкты и хтонические образы, основным из которых является образ матери. В целом не подлежит сомнению, что преступное поведение человека имеет архетипическую окраску [6]. В полной мере указанное относится к архетипу Великой матери, который, по мнению исследователей, максимально проявляется в условиях тюремной изоляции [6, 7].

Пребывая в условиях искусственной социальной депривации, генерируемой в местах лишения свободы, отбывающий наказание человек испытывает хронический дефицит информации. В условиях длительного и транзитного пенитенциарного стресса у заключенных происходит примитивизация отношений, снижение интеллектуальной деятельности, сужение кругозора. Это во многом обуславливает пробуждение в подсознании человека комплекса базовых архетипов, первичным из которых является архетип Великой матери [7]. Исследовавший преступные архетипы видный отечественный ученый-пенитенциарист Ю.М. Антонян выделяет наряду с этим архетипом и другие, облигатно присущие представителям преступного мира: «Враг», «Тень», «Чужой», «Охотник», «Злодей», «Убийца», «Бродяга» [6]. Ю.М. Антонян также отмечает, что одним из воплощений архетипа Великой матери является жестокая и злая носительница женского начала (Ехидна, Медуза Горгона, богиня Кали и т.п.) [6].

Образ матери – это прежде всего архетип, к которому обращаются в местах лишения свободы в поисках защиты в трудные минуты, когда тоска по родному дому и семье особенно выражена. Пребывание в тюрьме сопряжено с лишением человека привычного для него образа жизни, отчуждением от социального окружения. Пенитенциарное пространство стрессогенно по своей сути и характеризуется целым набором разных деприваций [8], совокупное действие которых ведет к т.н. пенитенциарному стрессу, который оказывает мощное негативное воздействие на психику [8]. В такой обстановке оказавшийся в местах лишения свободы человек обращается за помощью и поддержкой к образу самого близкого и родного человека – своей матери. Роль архетипа Великой матери тут очевидна. В первую очередь это удержание эмоционально-энергетической связи с родным миром для оказавшихся в местах лишения свободы человеком [2].

Образ матери – это священный для каждого заключенного символ [9]. Проявление любого неуважения к матери (удар по месту, где расположена татуировка с упоминанием матери, неподобающие высказывания в разговорах, пение неприличных частушек и т.п. [7]) ведет к немедленному (часто – неадекватно суровому) наказанию со стороны «тюремного самоуправления». Таким образом, образ матери является базовой ценностью тюремной субкультуры [9]. Архетип Великой матери в местах лишения свободы проявляется различными способами. Это татуировки с упоминанием матери: «В этой жизни только мать меня сумеет оправдать. Любви достойна только мать, она одна умеет ждать» [7, с. 57], тюремный шансон: «Я пишу тебе, мама, из глубин Соликама...», «Я к маменьке родной с последним приветом...» и т.п.

Связь феномена призонизации с архетипом Великой матери

Также нужно отметить, что в коллективах осужденных, подверженных действию тюремной субкультуры, образ матери трансформируется, символизируя духовную связь не с внешним, свободным миром, а, наоборот, с темным тюремным царством, ставшим родным для отбывающих длительные сроки заключенных [2]. В пенитенциарии известно такое явление, как призонизация – неосознанное стремление после отбытия срока наказания вновь оказаться в местах лишения свободы, признание тюрьмы в качестве родного дома сидельца [10]. Другими словами, по мере взаимодействия личности с тюремным социумом происходит трансформация отношения человека к пенитенциарному пространству: если вначале оно воспринимается как мертвое, чуждое место пребывания, то в дальнейшем, по мере проникновения идей воровского мира в сознание и душу арестанта, он начинает воспринимать его как родной дом, персонифицируемый в образе матери [2]. Поэтому тюремная татуировка «Не забуду мать родную» говорит на самом деле о тюрьме, о том, что образ матери ассоциируется в психике арестанта с обобщенным образом тюрьмы, которая выступает в качестве проявления архетипа Великой матери.

Архетип «Смерть» как трансформация архетипа Великой матери

В чем-то повторяя положения восточной философии, К.Г. Юнг считал, что для мира архетипов характерна энантиодромия, при которой элемент бессознательного трансформируется в свою противоположность при достижении им определенного предела.

В результате энантиодромии архетип «Великая мать» как символ добра, порядка и заботы может проявляться как Богиня Смерти, представляя разрушительное и агрессивное начало [11]. «Великая мать» ассоциируется с созиданием, теплом и светом (корреляты: положительная энергия Ян в восточной философии, в кибернетике – понятие информации), а «Смерть» – это холод, разрушение и забвение (энергия Инь в восточной философии, в кибернетике – энтропия. Примечательно при этом, что и энтропия, и информация измеряются в одних и тех же единицах – битах).

Таким образом, в соответствии с энантиодромией, «Великая мать» дает человеку жизнь, а «Смерть» ее забирает. Инстинкт страха смерти свойственен всему живому. Его наличие – один из базовых признаков любой психики. Этот инстинкт расценивается в психоанализе как глубинная потребность организма к достижению изначального (существующего до обретения жизни) состояния. Согласно учению З. Фрейда, противоречие между тягой к продолжению жизни, ощущаемой в виде удовольствий (Эрос) и стремлением к аутодеструкции (Танатос) является сущностью *das Es* (Оно). Обе указанные хтонические силы, присущие Оно, являются самыми примитивными и неосознаваемыми сферами личности человека, проявляющиеся на индивидуальном и на коллективном уровнях поведения.

Жизнь на свободе освещается силой Эроса, в тюрьме – силой Танатоса. Мир тюремной субкультуры – это область смерти, где правят идеи разрушения, уничтожения, противостояние традиционным моральным и этическим нормам. «Целью всякой жизни является смерть», – писал З.Фрейд [12, с. 37]. Это утверждение повторяется в тексте тюремной татуировки: «Я рожден, чтобы умереть» [13, с. 52]).

В учреждениях пенитенциарной системы сконцентрированы люди, подверженные

силе Танатоса, ведущие асоциальный образ жизни, склонные к противоправным поступкам, криминальному, девиантному поведению. Это люди с низкой санитарной культурой, приверженные к употреблению алкоголя и наркотиков. В их среде присутствует культ саморазрушения, реализующийся через разные виды деструктивного поведения.

Так, широко распространенное в тюремной среде намеренное членовредительство называется на тюремном сленге «мастыркой». Это может быть проглатывание выделений больного туберкулезом, прижигание головки полового члена с целью симуляции сифилиса, намеренная ампутация конечностей, заглатывание инородных предметов (гвозди, ложки и т.п.). Широко распространена среди заключенных тяга к самоубийству, процент случаев которого может достигать четверти всех причин смерти среди лиц, отбывающих наказание.

Жизнь в тюрьме сравнима с пребыванием и страданием грешных душ в аду. Помещение человека в тюрьму является аналогом смерти человека для его родных и близких, началом мучений в мрачном царстве тюремного Аида. Неслучайно проводивший четыре года каторги и подвергнутый инсценировке смертной казни Ф.М. Достоевский дал тюрьме название «мертвый дом».

Атрибуты смерти, символы Танатоса прочно вошли в набор кодов тюремной субкультуры. «Сами воры воспринимают себя и свое новое положение именно как символическую смерть... Для вора: а) смерть не страшна, а желанна: “Вору не страшна смерть”, “Меня исправит только смерть”; б) смерть всегда рядом, и она ждет: “Я смерть бессмертная всегда рядом!”, “Смерть всегда рядом – она избавление от земных мук”, “Смерть меня ждет всегда”; в) вор уже мертв: “Я уже труп”; г) смерть обитает внутри вора: “От меня пощады не жди”, “Я скоро приду за твоей жизнью суки”; д) смерть – главная цель жизни: “Я рожден, чтобы умереть” – с изображением черепа на кресте. Ожидание смерти содержится, к примеру, в татуировке с аббревиатурой “МИР” – “Меня исправит расстрел”» [14, с. 12].

В условиях отбывания наказания происходит медленное психологическое разрушение личности [15]. Как было сказано выше, у длительно находящихся в местах лишения свободы людей отмечается примитивизация интересов, стремление к удовлетворению простейших жизненных потребностей. Наблюдается духовная смерть субъекта в мире отсутствия мысли о бытии [16]. По этому поводу известно мнение отечественного философа М.К. Мамардашвили, который рассуждает о явлении «отсутствующего сознания». Так ученый определяет состояние, при котором сознание человека опустошено, разум мертв и, следовательно, мертв и сам носитель такого сознания. Здесь можно также привести высказывание св. Игнатия Брянчанинова: «Преисподние темницы представляют странное и страшное уничтожение жизни, при сохранении жизни» [17, с. 121]. Подобное явление описано и в «Божественной комедии» Данте, на примере генуэзца Бранка д'Орья, душа которого находится в девятом круге ада, а тело остается живым, пребывает в материальном мире, выполняя основные функции человека.

Реализация архетипа Великой матери в ритуале тюремной инициации

Архетип «Великая мать», переходящий в архетип «Смерть», реализован в таком тюремном обряде, как «прописка», являющимся аналогом первобытной инициации членов

племени. Инициация в данном случае являет собой онтологическую трансформацию экзистенциального состояния человека, в результате которой неопит обретает новое для него существование [18]. Подобно древним инициациям, тюремная «прописка» – это ритуал посвящения неопита в «настоящие» арестанты, суть которого – символическая смерть человека в старом мире «свободы» и его рождение в новом для него мире тюрьмы.

Первая часть этого обряда, как и другие виды инициаций, касается смерти человека для прежнего мира. Как утверждает М. Элиаде, применяемые при инициации пытки «это эквивалент ритуальной смерти. Удары, укусы насекомых, зуд, расстройство пищеварения, вызванное некоторыми ядовитыми растениями, – все эти многочисленные виды испытаний означают, что неопит не просто убит мифическим Животным, осуществляющим посвящение, но что он разорван на куски, разжеван у него в пасти и «переварен» в желудке» [18, с. 92]. В качестве применяемых при этом жестоких испытаний в различных первобытных племенах практиковались выбивание зубов, отрезание пальцев, обрезание крайней плоти, избивания, укусы насекомых и т.д. [7].

Британский этнолог Б.К. Малиновский считал, что для примитивного сознания смерть означает начало пути к воскресению [19]. При этом «испытание смертью и воскресение не только коренным образом изменяет онтологическое состояние неопита, но и открывает ему сакральность человеческого существования и Мира» [18, с. 59].

Тюремная «прописка» – это ритуал пенитенциарной субкультуры, который символизирует смерть человека в «свободном» мире и его последующее рождение в новом для него мире тюрьмы – «мертвом доме». Ритуал связан с архетипом Матери-Смерти: сначала это символическая смерть сидельца, затем его рождение в новой реальности. В.Е. Письменный констатирует: «В ритуале инициации тюрьма одновременно предстает в двух ипостасях, тесно связанных между собой. Она становится могилой для человека, пришедшего извне, одновременно предстает и материнским чревом, из которого рождается ее сын, получая при рождении новое имя, имеющее значение только в системе тюремно-воровской субкультуры» [2, с. 120].

Удивительный аналог прохождения тюремной прописки можно наблюдать при проведении ритуала юношеской инициации в племени Кунапили (Австралия). Здесь этапы «смерть-воскресение» связаны с прохождением неопита через большую хижину, имеющую вид морского чудовища: со страшным, покрытым зубами ртом (вход в хижину) и женским половым органом (выход из хижины). Проходя через эту хижину, юноша сначала символически убивается, проглатывается монстром – Великой матерью, а затем вновь рождается, но уже в качестве полноправного члена племени [18].

Коррелятом такой магической хижины в пенитенциарной субкультуре является камера следственного изолятора, где проводится действие тюремной «прописки». Ритуал тюремной инициации представляет собой экзамен на крепость духа, умение постоять за себя, способность переносить боль [20]. В тюремной субкультуре существует множество испытаний (тюремных игр или «приколов»), через которые должен пройти новичок в ходе «прописки». Все они направлены на создание угрозы жизни и здоровью, символизируют смерть неопита. Например, человеку предлагается прыгнуть с верхнего

яруса койки на расставленные шахматы (тюремный «прикол» под названием «Подвиг Гастелло»), предлагается с завязанными глазами встать на табурет и затем выбивается табурет из-под ног (тюремный «прикол» под названием «Посчитать звезды») и т.п. Кроме того, новичку задают загадки, от ответов на которые зависит его дальнейшее положение в неформальной тюремной иерархии [7]. Если человек успешно справился с прохождением этапов «прописки», он занимает достойное место в стратифицированной тюремной социальной системе. Если же неофит не справился с заданиями, ему определяется низший статус в иерархии тюремных каст и весь срок отбывания наказания такой человек будет подвергаться издевательствам и унижениям. На заключительном этапе тюремной инициации для вновь принятого в сообщество арестантов человека объявляется его новый тюремный статус («вор», «мужик», «шнырь» «шестерка» и т.д.) и новое имя (тюремная кличка). Здесь также нередко обращаются за помощью к мифической сущности по имени Тюрьма. При этом сокамерники кричат в окно: «Тюрьма, дай кликуху!». Ответом могут быть звуки радио, переговоры охранников, крик из другой камеры. Так происходит персонификация тюрьмы, ее одушевление [2].

Таким образом, при инициации тюрьма обретает облик страшного судьи – Великой матери, чудовища, способного сначала убить, а затем вновь родить в новом качестве очередного обитателя темного тюремного мира [18].

Выводы

Пребывание в условиях тюремной изоляции модифицирует психику человека, «очищая» ее от разного рода «ненужных» для пенитенциарного пространства наложений и способствуя пробуждению глубоко находящихся в подсознании хтонических сил, вписывающихся в определенные образы-схемы и реализующиеся по единым законам культурной гомоплазии, по которым различные проявления выстраиваются по единым схемам, одинаковым как для примитивных племен, так и для современных сообществ адептов тюремной субкультуры.

Как следует из представленного материала, исследование архетипа Великой матери в условиях пенитенциарного пространства дает некоторый ключ к пониманию феномена устойчивости существования тюремной субкультуры, в которую в той или иной мере вовлечены все лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы. Архетип Великой матери в условиях исправительных учреждений реализуется в различных проявлениях: тюремных табу, татуировках, обычаях, ритуалах (в частности, при прохождении тюремной инициации – «прописки»). Велика роль архетипа Великой матери в генерации такого психологического феномена, как призонизация, когда тюрьма начинает ощущаться в качестве родного дома, в котором хочется побывать еще раз или находиться постоянно.

Ещё одной отличительной чертой данного архетипа в условиях пенитенциарного пространства является его подверженность энантиодромии, в результате чего образ Матери трансформируется в образ Смерти, проявляющийся в повседневной жизни арестантов в виде аутодеструктивных действий, тяги к самоубийству, отказу от нормальных жизненных ценностей и базовых принципов традиционной культуры общества.

Список литературы

1. Юнг К. Г. Архетип и символ. Об архетипах коллективного бессознательного. М.: Ренессанс, 1991.
2. Письменный Е.В. Смысловые уровни мифологемы матери в контексте тюремно-воровской субкультуры//Челябинский гуманитарий. 2010. № 3 (12). С. 117-121.
3. Письменный Е.В. Социокультурная сущность и динамика мифологии тюремно-воровской субкультуры. Автореферат дисс. канд. культурологии. Челябинск, 2012.
4. Беляев И. А., Беляева Н.А. Культура, субкультура, контркультура // Духовность и государственность/Ред. Беляев И.А. Оренбург: Филиал УрАГС в г. Оренбурге, 2002.
5. Банников К. Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения военнослужащих срочной службы Российской Армии. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002.
6. Антонян Ю.М. Архетип и преступность. М.: Вече, 2009.
7. Пономарев С.Б. Анализ триады «архетип-тотем-табу» в пенитенциарной субкультуре. Ижевск: Изд-во ИЖГТУ им. М.Т.Калашникова, 2021.
8. Пономарев С.Б. Роль феномена пенитенциарного дистресса в эволюции системы уголовного наказания// Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Выпуск 3. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2024. С.289-292.
9. Громов В.Г. Российская криминальная субкультура: философский аспект// Теология. Философия. Право. 2017. №2 . С. 44-57.
10. Гишинский Я. И. Призонизация по-русски // Отечественные записки. 2003. №2. С. 434-441.
11. Элиаде М. Избранные сочинения. Образы и символы. М.: НИЦ «Ладомир», 2000.
12. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Психология бессознательного/ Перевод с нем. А. М. Боковой. М.: «Фирма СТД», 2006. С. 234-256.
13. Балдаев Д. С. Татуировки заключенных. СПб.: Лимбус Пресс, 2001.
14. Плущер-Сарно А. Русские воровские тату: от текста к символу// НЛО. 2004. № 4. С.10-15.
15. Мокрецов А.И., Новиков В.В. Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями лиц, отбывающих наказание. М.: НИИ ФСИН России, 2006.
16. Инюшина И.А. Философская танатология М.К. Мамардашвили: смерть как онтологическое основание сознания // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. Сборник материалов XII международной научно-практической конференции. Новосибирск: СибАК, 2012. С. 80-84.

17. Брянцианов И. Слово о смерти. М.: Издательство Стрельбицкого, 2022.
18. Элиаде М. Тайные союзы: Обряды инициации и посвящения. Киев: София; М.: Гелиос, 2002.
19. Малиновский Б. Магия, наука, религия. М.: Рефл-бук, 1998.
20. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М.: Ось-89, 2001.

Сведения об авторе

Пономарев Сергей Борисович – д-р мед. наук, профессор, г. Москва, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, главный научный сотрудник.

Email: docmedsb@mail.ru

Ponomarev S. B.

THE ARCHETYPE OF THE GREAT MOTHER IN THE PRISON SUBCULTURE

Abstract: *The Great Mother archetype proposed and studied by K.G. Jung embodies the creative, life-giving natural force, the life-giving feminine principle. The work describes the manifestations of the Great Mother archetype among persons serving a sentence of imprisonment and involved in the prison subculture. The connection of the Great Mother archetype with the phenomenon of prisonization is shown, the phenomenon of enantiodromia of the Great Mother archetype is described, consisting in its transformation into the «Death» archetype in the conditions of the penitentiary space. Examples of autodestructive behavior of prisoners associated with the Great Mother archetype are given, its implementation in the prison initiation ritual is described. The scope of application of the research results: in the practice of the penal system. In conclusion, a conclusion is made about the high significance of the Great Mother archetype for the prison subculture. The relevance of the work lies in the fact that the described archetype is realized in various cultural manifestations inherent in the community of prisoners: prison prohibitions, tattoos, customs, rituals. It is shown that changes in the psyche inherent in prisoners lead to the awakening of hidden chthonic forces in the subconscious, realized according to the uniform laws of cultural homoplasy, the same for both primitive tribes and modern communities of adherents of the prison subculture.*

Keywords: *prison subculture, Great Mother archetype, Death archetype, enantiodromia, prisonization, penitentiary system.*

References

1. Jung K. G. Arhetip i simvol. Ob arhetipah kolektivnogo bessoznatel'nogo [Archetype and symbol. On the archetypes of the collective unconscious]. Translated by A. M.

- Rutkevich. Moscow: Renaissance, 1991.
2. Pismenny E. V. Sociokul'turnaya sushchnost' i dinamika mifologii tyuremno-vorovskoj subkul'tury [Semantic levels of the mother's mythologem in the context of the prison-thieves' subculture]. Chelyabinsk humanitarian. 2010. No. 3 (12). P. 117-121.
 3. Pismenny E. V. Smyslovye urovni mifologemy materi v kontekste tyuremno-vorovskoj subkul'tury [Sociocultural essence and dynamics of the mythology of the prison-thieves' subculture]. Abstract of dissertation of cultural studies. Chelyabinsk, 2012.
 4. Belyaev I.A., Belyaeva N.A. Kul'tura, subkul'tura, kontrkul'tura [Culture, subculture, counterculture]. Spirituality and statehood. 2002. No 3. Pp. 5-18.
 5. Bannikov K. L. Antropologiya ekstremal'nyh grupp. Dominantnye otnosheniya voennosluzhashchih srochnoj sluzhby Rossijskoj Armii [Anthropology of extreme groups. Dominant relations of conscripts of the Russian Army]. M.: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2002.
 6. Antonyan Yu.M. Arhetip i prestupnost' [Archetype and crime]. M.: Veche, 2009.
 7. Ponomarev S.B. Analiz triady «arhetip-totem-tabu» v penitenciarnoj subkul'ture [Analysis of the triad «archetype-totem-taboo» in the penitentiary subculture]. Izhevsk.: Publishing house of Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov, 2021.
 8. Ponomarev S.B. Rol' fenomena penitenciarного distressa v evolyucii sistemy ugolovnoho nakazaniya [The role of the phenomenon of penitentiary distress in the evolution of the criminal punishment system]. Scientific works of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (scientific and practical quarterly publication). Issue 3. M.:Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2024. Pp.289-292.
 9. Gromov V.G. Rossijskaya kriminal'naya subkul'tura: filosofskij aspekt [Russian criminal subculture: philosophical aspect]. Theology. Philosophy. Law. 2017. No 2. Pp. 44-57.
 10. Gilinsky Ya.I. Prizonizaciya po-rossijski [Prisonization in Russian]. Otechestvennye zapiski. 2003. №2. Pp. 434-441.
 11. Eliade M. Izbrannye sochineniya. Obrazy i simvoly [Selected Works. Images and Symbols]. M.: NIC «Ladomir», 2000.
 12. Freud Z. Po tu storonu principa udovol'stviya [Beyond the Pleasure Principle]. Psychology of the Unconscious. Translation from German by A.M. Bokovikova. M, 2006. Pp. 234-256.
 13. Baldaev D.S. Tatuировки zaklyuchennyh [Tattoos of prisoners]. St. Petersburg: Limbus Press, 2001.
 14. Plutser-Sarno A. Russkie vorovskie tatu: ot teksta k simvolu [Russian thieves' tattoos: from text to symbol]. NLO. 2004. No. 4. P.10-15.
 15. Mokretsov A.I., Novikov V.V. Lichnost' osuzhdenного: social'naya i

- psihologicheskaya rabota s razlichnymi kategoriyami lic, otbyvayushchih nakazanie [Personality of the convict: social and psychological work with different categories of persons serving a sentence]. M.: Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2006.
16. Inyushina I.A. Filosofskaya tanatologiya M.K. Mamardashvili: smert' kak ontologicheskoe osnovanie soznaniya [Philosophical thanatology of M.K. Mamardashvili: Death as an Ontological Foundation of Consciousness]. Actual Issues of Social Sciences: Sociology, Political Science, Philosophy, History: Coll. Art. on Materials of the XII Int. Scientific-Practical. Conf. Novosibirsk: SibAK, 2012. Pp. 80-84.
 17. Brianchaninov I. A Slovo o smerti [Word about Death]. M.: Strelbitsky Publishing House, 2022.
 18. Eliade M. Tajnye soyuzy: Obryady iniciacii i posvyashcheniya [Secret Unions: Initiation and Dedication Rites]. Kyiv: Sofia; M.: Helios, 2002.
 19. Malinovsky B. Magiya, nauka, religiya [Magic, Science, Religion]. M.: Refl-book, 1998.
 20. Pirozhkov V. F. Kriminal'naya psihologiya [Criminal Psychology]. Moscow: Os-89, 2001.

Ponomarev Sergey Borisovich – doctor of med. sciences, professor, Moscow, Research institute of the Federal penitentiary system, Chief researcher.

Email: docmedsb@mail.ru